

Константин
СИМОНОВ:«МЫ ВСЕ
ПРЕОДОЛЕЛИ!»

Рубрика «Классика Страны Советов» давно известна читателям «Литературной газеты». Не удивительно, что сейчас, в канун празднования 50-летия Первого Всесоюзного съезда советских писателей и основания СП СССР, читательское внимание к этой рубрике особенно обострилось. Сопровождающая советской многонациональной литературы великая и богатая. Она хранит много высоких имен и ярких, великолепных произведений, которые у всех на памяти.

На днях у нас в редакции «ЛГ» зашла речь о Константине Симонове, его знаменитом романе «Живые и мертвые».

— Кто бы из писателей мог интересно поразмышлять об этом романе? Кому заказать статью? — спросили меня.

— Зачем искать автора? — ответил я.

— Никто лучше самого Константина Михайловича об этом не рассказал. Не-

сколько лет у меня хранится стенограмма встречи писателя с его читателями, которые собрались для обсуждения романа «Последнее лето», там выступил К. Симонов. Давайте печатать эту стенограмму...

Мое предложение было принято, и вот перед вами, уважаемый читатель «ЛГ», несколько сокращенная стенограмма выступления К. М. Симонова в ноябре 1971 года на читательской конференции, которая проходила в городе Ярцево под председательством Евгения Воробьева.

Это была одна из первых читательских конференций по роману «Последнее лето», ее организовала директор Центральной городской библиотеки Т. А. Андреева. Итак, слово Константину Симонову!

Наум МАР

К. СИМОНОВ. Дорогие товарищи, я очень тронут теплой встречей, восторженными словами, которые услышал с этой трибуны, вашим добрым отношением ко мне, к моей работе.

Тут возник вопрос, который имеет отношение ко всей трилогии «Живые и мертвые»: почему Серпилин не дожил до ее конца? Вопрос для меня очень серьезный. О тяжелом всегда тяжело рассказывать. Когда пишешь книгу о войне, со всеми смертями, жертвами, иногда есть соблазн изобразить все это легче, чем было на самом деле.

Наши беды, наши потери, наши поражения в 1941 году, летом 1942 года вспоминать трудно. Прошло 30 лет, а до сих пор где-то в душе хочется, чтобы война тогда началась по-другому, чтобы мы во всеоружии встретили врага, чтобы немцы не дошли до Москвы, до Сталинграда... Как и все участники Отечественной войны, мы делали все для того, чтобы этого не было, но это тем не менее было.

Я должен рассказать об этом в трилогии, а для того чтобы рассказать, должен заново все пережить. И только если я заново все переживу, лишь тогда заставлю читателя пережить вместе со мной. Моя цель — дать почувствовать читателю, какой была эта война. И если мы вначале терпели поражения, если у нас были тяжелые ошибки, и если Победа нам досталась очень дорогой ценой, если для Победы понадобились неимоверные усилия, которых, наверное, никто и нигде, ни один народ на свете, не выдержал бы, — так об этом ведь и надо рассказать. Если я не расскажу обо всех трудностях, тогда мне не удастся рассказать и о мере подвига нашего народа, о том, в каких условиях наши люди воевали, тогда вообще не расскажешь, и что такое подвиг. Ведь то, что достигается легко, — это не подвиг. Подвигом мы называем то, что свершить необыкновенно трудно.

То, что я сказал, имеет отношение и к такому вопросу, как необходимость для меня внутренне распрощаться с Серпилиным. Сначала, в первом романе, он не был главным героем, оставаясь для меня второстепенным действующим лицом. Но постепенно он становился все крупнее и крупнее, и к концу работы в нем заключалась главная душа книги.

Ну, допустим, я оставил в живых Серпилина. Но как мне было дать почувствовать читателю, что мы на этой войне потеряли двадцать миллионов человек, что в каждом доме у нас помнят об этих людях, что нет такой семьи, где не жили бы отзвуки войны. Самый дорогой или один из самых дорогих людей ушел почти из каждой советской семьи. Как же все это мне дать почувствовать читателю, не называя цифры двадцать миллионов? Я ведь не историю пишу, не публицистическую статью, а трилогию, три романа... Значит, я должен расстаться в этом произведении с самым дорогим мне человеком, должен его жизнью заплатить за Победу.

Конечно, я не могу оживить Серпилина. Хотел бы, но это невозможно. Если бы на меня сердитесь, значит, вы верите в то, что он убит. А если верите, что он убит, как же я могу его оживить? Я получаю письма читателей, которые сердятся на меня за то, что Серпилин погиб. Иногда меня даже ругают и костылят... С одной стороны, это не совсем приятно, а с другой, я думаю, если люди сердятся, значит, им жалко, что Серпилин убит. Следовательно, я сделал то, что хотел.

Очень интересно выступила здесь Антонина Ивановна Ползунова, которая говорила об образе описателя Данилова. Как же так, бывший пограничник Данилов разоружил наших бойцов, вышедших из окружения, заставил их сдать трофейное оружие и они погибли... Данилов, конечно, не мог знать, что они погибнут, но у него был железный приказ. Он даже пошел в некоторой мере на нарушение этого приказа: отнял только трофейное оружие, а наше — оставил. У него душа болела, но он не решился преступить приказ. А когда увидел, что в результате его невольной вины произошла страшная трагедия, тогда Данилов с автоматом в руках спасал этих «окруженцев» и сам погиб.

Когда Серпилин получает приказ штурмовать деревню Грачи, он готов ко всему, в том числе и к тому, что будет снят с должности командира дивизии, но все-таки понапрасну не губит людей. Оба они — и Серпилин и Данилов — хорошие люди. Данилов — честный, чистый человек, и, выполнив роковой приказ, в трагические минуты нападения фашистов он первым отдает свою жизнь. Но, видимо, есть существенное различие в их отношении к приказу. Потому-то Серпилин — герой романа, а не Данилов. Серпилин способен на большое гражданское мужество, беря на себя огромную ответственность. Данилов поступает честно, но не решается на такой героический поступок, а Серпилин решается. При этом надо помнить — они оба одинаково готовы к самопожертвованию в бою, и Данилов, не колеблясь, отдает свою жизнь.

Тут один из читателей, товарищ Ершович, слегка упрекал меня за то, что я как-то не дописал Синцова, много отдал Сер-

пилину. Это получилось у меня невольно. Не знаю, как у других писателей, но у меня каждый раз выходит так: пишу книгу, один персонаж делает одно, другой — другое и думает по-другому. А потом я постепенно, борясь с самим собой, начинаю вкладывать самые важные для меня свои мысли и самые глубокие чувства в одного человека, самого главного героя.

Таким героем постепенно и незаметно для меня стал Серпилин — это я говорю вам в порядке самокритики, профессионально. Как писатель я понимаю, что это неправильно, но Серпилин сам занял главное место и что-то отобрал у Синцова из того, что первоначально предназначалось тому. Я не хочу с вами спорить, а хочу просто объяснить, как это иногда происходит в нашей писательской работе...

Теперь насчет продолжения личных судеб. Об этом с большим чувством здесь говорила Антонина Ивановна: что будет с Таней, с Машей? Совершенно произвольно возник треугольник — Маша, Таня, Синцов... Оказалось, что Маша, его бывшая жена, которую Синцов считал погибшей, жива, но он уже любит другую, тоже хорошую, прекрасную, ни в чем не виноватую женщину. Вот что иногда делается с людьми война, вот в какое положение она поставила людей, когда никто друг перед другом не был виноват. Этой трагедией я тоже хотел подчеркнуть тяжесть войны...

Есть ли выход из такого положения? Все равно это трагедия. Какой бы выход ни был найден, все равно война поставила людей в такое положение, принесла такую трагедию, когда всем хорошо быть не может. Кто пожертвует собой? Синцов, Маша, Таня? Я этого не знаю, ибо дальше трилогию писать не буду, а стану работать над книгой повестей о войне. Мною написано несколько повестей «Из записок Лопатина». Сейчас я продолжаю эту работу, может быть, судьбы каких-то персонажей «Живых и мертвых» там и пройдут — не знаю.

Продолжать можно многие судьбы. Я каждый роман заканчивал многооточием, чтобы люди чувствовали: война еще продолжается! Не случайно последний роман я закончил не днем Победы, потому что мне хотелось показать, что, в сущности, вопрос уже решен — фашистская Германия будет разбита, но сколько еще для этого потребуются усилий, напряжения, жертв! Очень много... Мы знаем, чем кончилась война, но мне хотелось сознательно оставить своих героев в разгар боев, чтобы у читателя было ощущение сложности и тяжести войны даже тогда, когда мы явно побеждаем.

О войне надо писать, не уклоняясь от ее трудных проблем. Это была трудная эпоха в жизни страны, очень трудная. Иногда мы признавались, что на войне у нас было отчаянное положение. Даже врачи боялись этого слова — «отчаянные»... Сталин, однако, счел необходимым сказать после Победы, что у нас на войне были моменты отчаянного положения. Слова эти были сказаны в мае 1945 года после взятия Берлина. Мы все преодолели и победили — вот в этом-то и состоит сила нашей партии, народа, армии. Об этом и должно быть рассказано. Если мы будем уклоняться, не напишем правды о войне — неправда о войне никому не нужна, никто в нее не поверит.

ВОПРОС. Совпадает ли в вашем представлении образ Серпилина в книге с образом Серпилина, которого артист Папанов создал в фильме «Живые и мертвые»?

К. СИМОНОВ. Совпадает! Больше того, я предложил Папанову на эту роль. Сначала такому предложению удивились: он ведь чаще играл комедийные роли. Но я смотрел пьесу Назыма Хикмета, в которой Папанов исполнял роль боксера, и увидел трагическую сторону его комедийного дарования. Тогда мне показалось, что он сможет сыграть Серпилина. Папанов пригласили на кинопробу (так это

КЛАССИКА

называется в кино), он попробовал сыграть тот эпизод, когда Серпилин говорит комиссару Шмакову, что погибнуть он не боится, но пропасть без вести не имеет права. Сыграл Папанов этот эпизод, и мы других актеров больше не искали. Мы поняли: вот тот Серпилин, который нужен фильму!

Свой следующий роман — «Солдатами не рождаются» — я писал после того, как увидел уже отснятые эпизоды фильма «Живые и мертвые» с Папановым, и признаться, он помог мне работать дальше. Я дал актеру материал для этого образа в кино, а он помог мне представить Серпилина в последующем изложении таким, каким сыграл его в «Живых и мертвых». Этого я, увы, не могу сказать о других актерах. Мне нравится, как Лавров играет Синцова, но я могу представить себе и другого актера в роли Синцова, хотя Лавров, по моему, хорошо играет. А что касается Папанова, то я не представляю себе другого Серпилина. Когда я писал какой-нибудь кусок романа, то я ясно представлял, как Папанов входит, выходит, садится, говорит... Довольно это странное зрелище, если поглядеть, как автор пишет какую-нибудь главу: сам с собой разговаривает, ходит, садится, пригибается... Так я представлял себе: вот этот человек Серпилин-Папанов. Он мне очень помог. Это был тот случай, когда актер помог работать писателю.

ВОПРОС. Есть ли у ваших героев прототипы?

К. СИМОНОВ. Если говорить о Серпилине — есть! В середине июля 1941 года на фронте под Могилевом у меня состоялась очень важная встреча с полковником Кутеповым, командиром 388-го стрелкового полка, который позже почти поголовно там poleg. На двадцать второй день войны я своими глазами увидел, как мы ждем немецкие танки. Полк Кутепова не отступил ни шагу. На его позициях мы с фотокорреспондентом насчитали 39 сожженных танков и бронетранспортеров врага. Фотографировали их и эту панораму напечатали на первой полосе «Известий». Для того времени, для июля сорок первого года это было огромным боевым успехом. И вот там, в 388-м полку, в тот день я поверил — придет время, и мы непременно побьем гитлеровцев.

Некоторые наши люди утверждают, что они с первого дня войны верили в победу, никогда не колебались на этот счет. Не знаю, я прошел первые три недели войны огульный, не понимая, что творится. А вот в полку Кутепова в тот день я поверил, что мы остановим и в конце концов побьем фашистов. И человеком, который как-то больше всех убедил меня тогда в этом, был полковник Кутепов. Он погиб, выходя из окружения под Могилевом, сражаясь здесь до конца. Мне рассказывали, что Кутепова из окружения вынесли на шинели солдаты. У него были перебиты ноги, он истек кровью и умер. Но это тоже не окончательное свидетельство, а лишь из вторых уст...

Что касается Синцова, то у него не было прототипа — я использовал свои дневниковые записи. Вообще начало «Живых и мертвых» связано с тем, что я сам видел и пережил. Но я имел в виду изобразить не себя, а человека нашего поколения, представителя нашей трудовой интеллигенции.

ВОПРОС. Думали ли вы продолжить судьбу своих героев, когда закончили роман «Товарищи по оружию»?

К. СИМОНОВ. Роман «Товарищи по оружию» написан был давно, еще в 1952 году. Это — первый из цикла моих романов. В нем, в частности, начинаются судьбы Синцова, Маши и некоторых других героев трилогии. Я думал о продолжении этой работы. Но когда наконец закончил все повествование о Великой Отечественной войне, мне показалось, что рядом с этими книгами стоит мой первый роман. Это — первый блин, который, как известно, бывает комом. Кто хочет читать «Товарищи по оружию», пусть читает, но включать его в некую тетрадию считаю неправильным — не тянет он, не так существен. Я хотел в трилогии рассказать о Великой Отечественной войне, не принуждая читателей к чтению «Товарищей по оружию», к роману, который не во всем мне самому теперь нравится.

ВОПРОС. Армейская группа генерала К. К. Рокоссовского защищала наш город Ярцево с 16 июля по 3 октября 1941 года, сдерживая прорыв натиска фашистов, развавшихся в Москве. А наши писатели почему-то обошли молчанием эту героическую страницу истории Отечественной войны...

К. СИМОНОВ. Бои за Ярцево — действительно героическая страница. Хочется думать, она еще найдет своего писателя. Эти события нашли отображение в каких-то произведениях, но специально им пока не посвящена книга. Будем надеяться — кто-то за это еще возьмется. Это дело будущего. Об Отечественной войне еще много будут писать. Я убежден в этом. Мы еще в очень большом долгу перед армией, народом, читателями. Поскольку я как военный корреспондент, как участник войны оказался под Могилевом — меня потянуло в те места, которые я своими глазами в начале войны видел. А если бы я оказался в тот момент в Ярцево, очень возможно, Синцов встретился бы, скажем, с тем же Серпилиным здесь.

Итак, трилогию «Живые и мертвые» я закончил — историю этих героев рассказывал, но о последнем годе Отечественной войны хочется еще рассказать. Только поищу форму, в какой это лучше сделать. Кроме того, хочу подготовить к печати свои дневниковые записи, — это уже не столько писательский, сколько гражданский долг...